

Абессив в пермских языках: сходство и различие семантической структуры

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ
«Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
komilang@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Именные и глагольные каритивные показатели, представленные в современных пермских языках, восходят к финно-пермскому периоду. Для выяснения пространства вариативности и типологических возможностей каритивных единиц особую актуальность приобретает описание их морфосинтаксических и семантических особенностей.

Цель: выявить общие и специфические черты семантической структуры абессива пермских языков.

Материалы исследования. Эмпирическую базу исследования составили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов.

Результаты и научная новизна. Межъязыковое сопоставление семантики абессива показало, что его семантическая структура имеет незначительные расхождения в родственных языках. Выявлено, что в пермских языках абессив, кроме каритивного значения, может выражать также значения времени, меры полноты, причины и добавления участника ситуации. Установлено, что при выражении темпорального значения в конструкциях с отрицательными глаголами в удмуртском языке актуализируется конечная граница темпорального ориентира, в коми языке – весь период времени, полностью совпадающий с осуществлением действия; при выражении значения меры полноты в коми языке абессив указывает на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируется полнота, в удмуртском языке – недостающая до полной меры единица состава объекта, актуализируется неполнота. В научный оборот вводятся новые данные, которые могут быть использованы в сравнительно-исторических и типологических исследованиях каритивных показателей.

Ключевые слова: финно-угорские языки, пермские языки, морфология, существительное, прилагательное, категория падежа, каритивные показатели, абессив, семантика.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Некрасова Г. А. Абессив в пермских языках: сходство и различие семантической структуры // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 264–271.

The abessive in the Permian languages: similarity and difference in semantic structure

G. A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
komilang@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: nominal and verbal caritive indicators presented in the modern Permian languages date back to the Finno-Permian period. In order to clarify the space of variability and typological possibilities of caritive units, the description of their morphosyntactic and semantic features becomes particularly relevant.

Objective: to identify common and specific features of the semantic structure of the abessive in the Permian languages.

Research materials: the original texts in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages from printed sources and electronic corpora.

Results and novelty of the research: interlanguage comparison of the semantics of the abessive has shown that its semantic structure has minor discrepancies in related languages. It is revealed that in the Permian languages, the abessive, in addition to the caritive meaning, can also express time values, measures of completeness, cause and addition of a participant of a situation. It is established that when expressing temporal meaning in constructions with negative verbs

in the Udmurt language, the final boundary of the temporal reference point is actualized; in the Komi language the entire period of time completely coinciding with the implementation of the action actualizes; when expressing the value of the measure of completeness in the Komi language, the abessive indicates the absence of the minimum possible unit of the object's composition, completeness is updated; in the Udmurt language – the unit of the object's composition missing to the full measure, incompleteness is updated. New data are being introduced into scientific circulation, which can be used in comparative historical and typological studies of caritive indicators.

Key words: Finno-Ugric languages, Permian languages, morphology, noun, adjective, case category, caritive indicators, abessive, semantics.

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is FUUU-2021-0008 «Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals».

For citation: Nekrasova G. A. The abessive in the Permian languages: similarity and difference in semantic structure // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 264–271.

Введение

Показатель абессива (суффикс кз. кп. *-mōg*, удм. *-тэк*) пермских языков имеет допермские истоки, его формирование происходило на основе каритивного форманта **-tt*, имевшего значение ‘лишённый чего-либо’, ‘не обладающий чем-либо’, ‘не совершавший что-либо’ и т. д. На основе соответствий каритивных падежных суффиксов в саамском, прибалтийско-финских, пермских и марийском языках абессив с суффиксом **-ttak* /**-ttäk* восстанавливается для финно-пермского праязыка. В мордовских языках этот суффикс был вытеснен другим каритивным формантом финно-пермского происхождения, имевшим в ауслауте суффикс **-m*: **-ttam* /**-ttäm*, который характерен для адъективного словообразования финно-пермских языков [4, 122–123; 10, 358; 19, 181–182]. В исследованиях, посвящённых каритивным показателям уральских, в том числе и пермских, языков, рассматриваются морфосинтаксические особенности суффиксов [5; 11; 16; 20; 22; 23], при этом описание семантики часто сводится к установлению корреляций с комитативом, что соответствует распространённому взгляду на каритив как отрицание комитатива [21]. Для выяснения пространства вариативности и типологических возможностей каритивных показателей особую актуальность приобретает описание их семантических особенностей.

Результаты исследования позволят пролить свет на тенденции семантического развития падежа, определить роль генетических и ареальных факторов в этом развитии. Представленный в статье материал может быть использован при составлении типологических баз данных по падежной семантике.

Материалы и методы

Основным источником исследования явились материалы Корпуса удмуртского языка (далее –

КУЯ) [3] и Корпуса коми языка (далее – ККЯ) [2], а также фольклорные и художественные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приёмы семантического анализа.

Результаты

Семантическая структура падежей, унаследованных от общепермского языка, претерпела изменения в процессе самостоятельного развития коми и удмуртского языков, что проявилось в угасании одних значений и развитии других [6; 7; 8; 9; 12; 13]. Абессив в современных пермских языках, кроме каритивного значения, может выражать темпоральное значение, значения меры полноты, дополнения и причины.

Каритивное значение

Абессивом выражается отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника. В значении отсутствия второстепенного агенса абессив противопоставляется в коми языках комитативу, в значении отсутствия объекта – инструментально (подробнее о противопоставлении семантики абессива и инструмента, комитатива см.: [20, 43–49]): кз. *Вэль во коллялі отнам, муса нывтӧг* (А. Тимухев) ‘Новый год встретил один, без любимой девушки’; *Кытчӧ нӧ тӧвнад пышъян лызьтӧгыд да чертӧгыд, биватӧгыд да пурттӧгыд, ньӧти сӥянтӧгыд да?* (Г. Юшков) ‘Куда же убежишь зимой без лыж и топора, без огнива и ножа, да совсем без еды?’, кп. *Тӥян годдэсӧ ме айтӧг ни, отнам, пишальӧн вӧрӧттяс бродитли* (В. Баталов) ‘В вашем возрасте я уже один без отца с ружьём бродил по лесу’; *Посадӧт мунӧ вузасись, пустой коробыӧн ни, товартӧг* (фольклор) ‘По селу идёт торговец, с пустыми коробками уже, без товара’. В удмуртском языке абессиву

в обоих случаях семантически противопоставлен инструменталь: удм. *Нырысь операцияез лэсьтйзы Кузнецовтэк* [14] ‘Первую операцию сделали без Кузнецова’; *Пежъянтэк сапег уд кышъя, сиктантэк кут уд кута* ‘Без шила валенки не подошьёшь, без коточика лапти не сплетёшь’ [15, 15].

В пермских языках абессивная группа, занимающая предикативную, депиктивную и атрибутивную позиции, может варьировать с каритивным прилагательным, образованным при помощи суффикса кз. кп. -*тём*, удм. -*тэм*.

В составе предиката существительное в абессиве представлено со связочным и полусвязочным глаголом, редко встречаются бессвязочные конструкции, причём в коми языках в таких случаях стандартно используется каритивное прилагательное, ср.:

Абессив: кз. *Геня коли батьтөг-мамтөг* (Я. Рочев) ‘Геня остался без родителей’; уд. *Сийа чун’төг и коктөг* ‘Он без пальцев и ног’¹; кп. *Аймамтөг кольччис Ильякыс* (В. Баталов) ‘Без родителей остался Илья’; вк. *сийа көмтөг, кышдотөг* ‘Он не обут, не одет (‘без обуви, без одежды’)’ [12, 194]; удм. *Пичиысен атайтэк кыли* [14] ‘С детства остался я без отца’; *Кин ужтэк – со няньтэк* ‘Кто без работы – тот без хлеба’ [15, 21].

Каритивное прилагательное: кз. *Сийö öд батьтём-мамтём* *кольёма, коньёрёй* (В. Иванова) ‘Он ведь без родителей остался, бедняжка’; *Натөг колхоз китём и коктём* (Ю. Васютов) ‘Без них колхоз [как] без рук и без ног’; кп. *Вөвтём крестьяниныс дзик китём да коктём* (В. Баталов) ‘Безлошадный крестьянин совсем без рук и без ног’; удм. *Азьтэмъяськод – няньтэм кылёд* ‘Поленишься – без хлеба останешься’ [15, 36].

При копредикативном, или депиктивном употреблении абессивная группа, являясь синтаксически зависимым глаголом, семантически характеризует существительное, занимающее позицию подлежащего: кз. *Геля сулаліс клуб кильчö вылын шапкатөг* (Ю. Васютов) ‘Геля стоял на крыльце клуба без шапки’; кп. *Öтіклөн вешьяныс бырём, мөдік йөрнөстөг ветлөтö* (С. Федосеев) ‘У одного штаны износились, другой без рубашки ходит’; удм. *Гуртысь нылкышноос ураме кышеттэк уг потало* [14] ‘Деревенские женщины

не выходят на улицу без платка’; *Пиез атаез бёрсьы бызиз изьытэк* ‘Сын бежал за отцом без шапки’. В коми-зырянском языке существительное в форме абессива варьирует с каритивным прилагательным, как и в случае его предикативного употребления: *Сійö котöртіс шапкатём, важмыштём нин матроскöй бушлата, кузь гöленя съöd гын сапöга* (Г. Фёдоров) ‘Он бежал без шапки, в уже поношенном матросском бушлате, в высоких чёрных валенках’.

Атрибутивная позиция абессивным словоформам не свойственна, так как значение отсутствия предметного признака стандартно выражается каритивным прилагательным. Между тем при отглагольных существительных каритивное прилагательное и существительное в абессиве могут находиться в отношении свободного варьирования, ср. кз. *Понтөг олöмыд вöрад – абу олём* (В. Тимин) ‘Жизнь без собаки в лесу – не жизнь’; *А понтём олöмыд вöрад – абу олём* (Я. Рочев) ‘А жизнь без собаки в лесу – не жизнь’. В удмуртском языке встречается абессивное зависимое в именной группе с вершиной, выраженной конкретным существительным: удм. *Дöдьяысь со адриз погоньёстэк шинелен муртэ* ‘Из саней он увидел человека в шинели без погон’ [1, 157]. Значительное варьирование каритивного прилагательного и абессивной словоформы представлено в удорском диалекте коми-зырянского языка: кз. *Кушмö сикт, съöкыд видзöдны битөг öшиньяс вылö* (Н. Калинина) ‘Село вымирает, тяжело смотреть на окна, в которых не горит свет’; *Шондiтөг лун вылö видзöдтөг гаж муніс ывлаын* (Н. Калинина) ‘Несмотря на пасмурный день, праздник проводился на улице’. В литературном языке и остальных коми диалектах в атрибутивной позиции употребляется каритивное прилагательное, ср. *битём öшиньяс* ‘окна без света’ и *шондiтём лун* ‘пасмурный (букв. ‘без солнца’) день’.

Темпоральное значение

1. В пермских языках абессив может использоваться для указания на количество времени, недостающее до целого темпорального ориентира, при этом абессивная словоформа выступает в качестве зависимого в именной группе, располагаясь линейно слева от вершины. Такие конструкции весьма продуктивны в удмуртском

¹ Сорвачева В. А. Удорский диалект коми языка. Отчёт о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. Сыктывкар, 1972. (Архив Коми Научного центра УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92). С. 342.

языке: удм. *Училище вуыкум, 1 минуттэк 9 вал* [14] 'Когда я пришёл в училище, было без одной минуты девять'; *Хукна дастэк укмыс но ;ыт дас куать ноль-ноль* [14] 'Утром без десяти девять и вечером в шестнадцать ноль-ноль'.

В коми-зырянском языке абессив в значении времени значительно уступает каритивному прилагательному, на что указывает частотность их употребления, ср. в ККЯ обнаружено 29 примеров, содержащих конструкцию «без + числительное + минута», с каритивным прилагательным (*минутатӧм*) и 8 примеров с существительным в абессиве (*минутатӧг*)²: кз. *Алексей Федорович видзӧдліс дзюляник тумба вылын сулалысь часі выль: вит минуттӧг квайт час* (Б. Шахов) 'Алексей Фёдорович посмотрел на часы, стоящие на маленькой тумбе: было без пяти шесть'; *Ӧні кызь минуттӧм квайт час, Юрийӧ* (П. Шахов) 'Теперь без двадцати минут шесть, Юрий'.

В современном коми-пермяцком языке при указании на количество времени, недостающее до целого темпорального ориентира, используется русская конструкция с предлогом *без* или указываются точные координаты временной оси: кп. *Кадыс без пяти шесть/кватъ*. 'Время 5 часов 55 минут'; *Кадыс 5 час 45 минута*. 'Время 5 часов 55 минут'.

2. В коми-зырянском языке в конструкциях с отрицательным глаголом абессив употребляется для указания на количество времени, необходимое для совершения действия: кз. «*Кытчӧкӧ тай эбӧсыд быри: тайӧ туй косттӧ эськӧ тай водзын вӧлі ӧти лунӧн катла, а ӧні куим лунтӧг ог во*», – *мӧвнышитіс аслыс* (В. Чисталёв) '«Куда-то ведь сила пропала: этот путь раньше я проплывал за один день, а теперь за три дня (букв. 'без трёх дней') не дойду», – подумал он про себя'; *Кулӧмдінӧдз сэки лёк туйӧн кык-куим лунтӧг эз волены* (В. Лодыгин) 'До Усть-Кулома тогда по плохой дороге раньше, чем за два-три дня (букв. 'без двух-трёх дней') не доходили'.

3. В удмуртском языке в конструкциях с отрицательным глаголом абессив выражает значение периода времени, без наступления которого не совершается действие: удм. *Жыт витъ-куать частэк доре уз вуэ* [14] 'Вечером раньше пяти-шести часов домой не придут'; удм. *Пинал адямины дас тямыс арестэк сюлэм уг пыр* [15, 58] 'Молодой человек раньше восемнадцати лет

не влюбляется (букв. 'В молодого человека без восемнадцати лет сердце не входит')'.

Значение меры полноты

1. В коми-зырянском языке абессив может указывать на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируя количественную полноту охвата объекта действием. При эллипсисе существительного, обозначающего минимальную единицу, абессивный показатель принимает числительное *ӧти* 'один': кз. *Чулльытӧм на кӧ шабдыд кӧнкӧ ӧшас вылын, зэв регыдӧн ӧти кӧйдыс тусьтӧг кояс* (Г. Юшков) 'Если ещё остался где-то на навесе неочищенный лён, то очень скоро он сбросит всё до единого зёрнышка'; *Волісны кытыськӧ съӧд кырныгыяс да ӧтитӧг кокалісны став черисӧ* (Е. Афанасьев) 'Прилетели откуда-то чёрные вороны и всю рыбу до единой склевали'.

Под влиянием русского языка абессив в этом значении вытесняется терминативом, при употреблении которого минимальная единица осмысливается как предельная: кз. *Гашкӧ, татысь, матісьыс, бура корсисны да ӧтиӧдз ставсӧ вундалісны?* (И. Торопов) 'Может быть, здесь, вблизи, внимательно искали и все [грибы] до одного срезали?'; *Ме нин ассъымтӧ ог лэдз, ставсӧ кӧпейкаӧдз чукӧрта!* (С. Морозов) 'Я уже своего не упущу, всё до единой копейки соберу!'.

Как показал поиск по ККЯ, в значении 'до единого' числительное 'один' чаще оформляется показателем абессива, чем терминатива, ср. частотность употребления словоформ *ӧтитӧг* – 307, *ӧтиӧдз* – 5³.

В коми-пермяцком языке терминатив является единственно возможным средством выражения этого значения: кп. <...> *кыздкӧ улицаяныс ставеннесӧ игнасьӧм, а то бы ӧшыннэсӧ ӧтикӧдз лэдзис* (В. Климов) 'Как-то догадались ставни с улицы закрыть, а то окна все до единого бы разбил'.

В удмуртском языке значение отсутствия минимальной единицы состава объекта выражается наречием *одйгтэм* 'до единого', образованным от числительного *одйг* 'один' с помощью каритивного суффикса *-тэм*, а также деепричастием *кельтытэк* 'не оставив': удм. *Григорий Степанович вань кенешгӧсы одйгтэм ветлылӧз* [14] 'Тригорий Степанович ходил на все собрания без исключения ('без единого')'; «Кенеше» вуэм вань

² Дата обращения к постоянно пополняющейся базе 18.09.2018.

³ Дата обращения к постоянно пополняющейся базе 18.11.2018..

рукописьёсты *одйгтэм* лыдрылй [14] ‘Я читал все рукописи без исключения (‘без одного’), поступавшие в редакцию журнала «Кенеш»»; *Одйг нуналзэ но кельтытэк тыриш* [14] ‘Работали все дни без исключения (‘без единого’)’.

2. В удмуртском языке абессив может употребляться при указании на единицу состава объекта, недостающую до полного объёма: удм. <...> *вуоно араз вить копейкатэк ньыль манет* [14] ‘<...> в год приходится четыре рубля без пяти копеек’. В коми-зырянском языке в таких конструкциях используется каритивное прилагательное, но чаще всего описывается точное количество с указанием всех конкретных единиц, что характерно и для коми-пермяцкого языка: кз. *Благоустроитём олан керкаса ёти квадратной метрысь колё вештыны 2 көпейкатём 4 шайт, а шоныдысь – 34 шайт 9 көпейка* (М. Ладанов) ‘За один квадратный метр благоустроенной квартиры надо платить 4 рубля без 2 копеек, а за тепло – 34 рубля 9 копеек’; кп. *Няньыс сулалё дас руб 48 копейка* ‘Хлеб стоит 10 рублей 48 копеек’.

Значение добавления участника

В пермских языках абессив может употребляться в конструкциях, описывающих добавление нового к выделенным участникам, которые чаще всего выражены существительным во множественном числе или имеют собирательное значение. Действие, выраженное глаголом, относится одинаково ко всем участникам. Семантика добавления часто актуализируется словами *эшö* ‘ещё’, *нин* ‘уже’. Примеры: кз. *Мича нывъяс чужсан муын Метöг уна эм* (А. Размыслов) ‘Помимо меня, на родине есть много красивых девушек’; *Метöг нин сэнй тырмё уджалысьыд* (И. Белых) ‘Кроме меня, уже хватает там рабочих’; кп. *Керкуын Колятöг, ми азжам öшишö дгдöс и бабöс, айöс и мамöс, вонöс и сойöс Колял’ись*. [18, 14] ‘В доме, кроме Коли, мы видим ещё дедушку и бабушку, отца и мать, брата и сестру Коли’; удм. *Ёросын бухгалтеръёс монтэк но тымыськемын* [14] ‘В районе бухгалтеров помимо меня ещё пруд пруди’; *Ма, собере Ува ёросын монтэк но тырмо кужмо спортсменъёссы* [14] ‘В Увинском районе и помимо меня хватает сильных спортсменов’. Абессив в этом значении конкурирует в коми-зырянском языке с послелогом *кындзи* ‘кроме’, в удмуртском языке – с послелогом *сяна* ‘кроме’: кз. *Ме кындзи ешö на эм кык ныв да ёти пи* (В. Лапшина) ‘Кроме меня есть ещё две дочери и сын’; удм. *Мон сяна но кандидатураос вал* [14] ‘И помимо меня были кандидатуры’; кз. *Вышка вылын,*

стөрöжысь кындзи, вöли нöшта кодкö (В. Юхнин) ‘На вышке, кроме сторожа, был ещё кто-то’. В коми-пермяцком языке значение добавления участника ситуации выражается компаративом: кп. *Миянся да пуöвöй турися Лапьяас вöли эшö нельöт олись – көчпиян* (В. Климов) ‘Кроме нас и журавля на дереве, в Лапья был ещё четвёртый житель – зайчонок’.

Значение причины

В пермских языках отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания может явиться причиной изменения состояния участника ситуации. Примеры: кз. *Меным колö удж, уджтöгыс гажтём* (П. Доронин) ‘Мне нужна работа, без работы скучно’; кп. *Меным сытöг гажтём лоис* (фольклор) ‘Мне без него стало скучно’; удм. *Милемлы тонтэк мöзмыт луоз* [14] ‘Нам без тебя будет скучно’.

Обсуждение и заключение

В современных пермских языках семантическая структура абессива имеет незначительные расхождения. При выражении темпоральных отношений в конструкциях с отрицательными глаголами в обоих языках указывается время завершения ситуации, но в удмуртском языке актуализируется конечная граница темпорального ориентира, в коми языке – весь период времени, полностью совпадающий с осуществлением действия. В коми языке абессив используется при указании на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируется полнота, тогда как в удмуртском языке – при указании на недостающей до полной меры единицы состава объекта, актуализируется неполнота.

Различия в употреблении абессива проявляются во внутриязыковом и межъязыковом варьировании абессивной именной группы и каритивного прилагательного. Синтаксические функции существительного в абессиве и каритивного прилагательного пересекаются: для каритивного прилагательного характерны три типа употребления – атрибутивное, предикативное и депиктивное, все эти три типа релеванты и для существительного в абессиве. В коми языках каритивное прилагательное и абессивная именная группа могут выступать в составе предикатов и депиктивов. В удорском диалекте каритивное зависимое в именной группе маркируется суффиксами каритивного прилагательного и абессива, что объясняется наложением

функций каритивных формантов в ходе развития диалекта [17, 12]. Представляется, что такое явление могло быть вызвано сходством некоторых синтаксических свойств каритивного прилагательного и существительного в форме абессива, а также влиянием русского языка, где каритивному прилагательному коми языка чаще всего соответствует предложная группа, ср. *шапкатӧм – без шапки*. В удмуртском языке, в отличие от коми, абессивная словоформа употребительнее каритивного прилагательного в

позиции предиката как без связки, так и со связочным глаголом, а также в атрибутивной позиции. Ввиду того, что период финно-пермского праязыка имеет непродолжительные временные рамки и характеризуется незначительными изменениями в грамматической системе, можно предположить, что в это время только наметилась тенденция формирования каритивных единиц, развитие их семантико-синтаксических свойств происходило в период последующего развития языков.

Сокращения

вк. – верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка; кз. – коми-зырянский язык; кп. – коми-пермяцкий язык; уд. – удорский диалект коми-зырянского языка; удм. – удмуртский язык.

Список источников и литературы

1. Вахрушев В. М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке (К 80-летию проф. Петра Николаевича Перевощикова) / Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 130–168.
2. Корпус коми языка. URL: <http://www.komicorpora.ru/> (дата обращения: 18.09.2018–12.12.2018).
3. Корпус удмуртского языка. URL: <http://web-corpora.net/> (дата обращения: 02.02.2020).
4. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
5. Муслимов М. З. Морфологические и синтаксические особенности каритивных конструкций в ингерманландском финском // Caritive constructions in the languages of the world. Abstracts of the international conference, Saint Petersburg / Online 30 November – 2 December 2020. Saint Petersburg: ILS RAS, 2020. С. 88–92.
6. Некрасова Г. А. Вариативность оформления актанта глагола ‘бояться’ в коми-пермяцком языке // Linguistica Uralica, 2016. Т. 52. № 2. С. 103–110.
7. Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 1. С. 25–32. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-25-33.
8. Некрасова Г. А. Употребления эгрессива в пермских языках: межъязыковые различия // Вестник угроведения, 2021. Т. 11. № 3. С. 470–478. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-470-478.
9. Некрасова Г. А. Элатив в пермских языках: межъязыковые различия // Вестник угроведения, 2022. Т. 12. № 1. С. 74–83.
10. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
11. Рачинская С. А. Каритивные конструкции в казымском диалекте хантыйского языка // Caritive constructions in the languages of the world. Abstracts of the international conference, Saint Petersburg / Online 30 November – 2 December 2020. Saint Petersburg: ILS RAS, 2020. С. 92–96.
12. Сажина С. А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. С. 189–196.
13. Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 34–44. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44
14. Удмурт дунне [Удмуртский мир]. 2007 (от 08.22); 2008 (от 11.07); 2009 (от 06.26; 07.10; 10.30); 2010 (от 06.18); 2011 (от 09.23; 10.28); 2012 (от 09.19; 11.27); 2014 (от 10.21); 2015 (от 09.17).
15. Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
16. Хомченкова И. А. Каритивный показатель –DE в горномарийском языке // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 175–178.
17. Цыпанов Е. А. Система суффиксального отрицания в пермских языках. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1990. 17 с. (Серия «Научные доклады Коми НЦ УрО РАН», Вып. 246).
18. Щапов П. В. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцкомъ языкѣ. Казань: Центр. тип-я, 1909. 78 с.
19. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p.
20. Hamari A. The abessive in the Permic languages // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. 2011. Vol. 93. Pp. 37–84.

21. Haspelmath M. Terminology of case. The Oxford handbook of case. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 505–517.
22. Negation in Uralic languages [Typological Studies in Language 108] / Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. 667 p.
23. Ylikoski Ju. Abessiivin apologia // Puhe ja kieli. 2021. №. 41 (2). Pp. 139–157.

References

1. Vakhrushev V. M. *Substantivnie slovosochetaniya v udmurtskov yazyke* [Substantive phrases in the Udmurt language]. *Slovosochetaniya v udmurtskov yazyke (K 80-letiyu prof. Petra Nikolaevicha Perevoshchikova)* [Phrases in the Udmurt language (To the 80th anniversary of Professor Pyotr Nikolaevich Perevoshchikov)]. Izhevsk: NII pri Sov. Min. Udm. ASSR Publ., 1980. pp. 130–168. (In Russian)
2. *Korpus komi yazyka* [Corpus of the Komi language]. Available at: <http://www.komicorpora.ru/> (accessed: March-October, 2021). (In Komi)
3. *Korpus udmurtskogo yazyka* [Corpus of the Udmurt language]. Available at: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: March-October, 2021). (In Udmurt)
4. Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavinnaya morfologiya finno-ugorskih yazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russian)
5. Muslimov M. Z. *Morfologicheskie i sintaksicheskie osobennosti karitivnykh konstrukcii v ingermanlandskom finskom* [Morphological and syntactic features of caritive constructions in the Ingermanland Finnish language]. Caritive constructions in the languages of the world. Abstracts of the international conference, Saint-Petersburg / Online 30 November – 2 December 2020. Saint-Petersburg: ILI RAN Publ., 2020. pp. 88–92. (In Russian)
6. Nekrasova G. A. *Variativnost' oformleniya aktanta glagola 'boyat'sya' v komi-permyackom yazyke* [Variability of the design of the actant of the verb 'to be afraid' in the Komi-Permian language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2016, no. 52 (2), pp. 103–110. (In Russian)
7. Nekrasova G. A. *Var'irovanie padezhnykh suffiksov v sovremennom udmurtskom yazyke* [Variation of case suffixes in the modern Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (1), pp. 25–32. (In Russian) DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-25-33
8. Nekrasova G. A. *Upotrebleniya egressiva v permskih yazykah: mezh'yazykovye razlichiya* [The use of egressive in the Permian languages: interlanguage differences]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 470–478. (In Russian) DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-470-478
9. Nekrasova G. A. *Elativ v permskih yazykah: mezh'yazykovye razlichiya* [The elative in the Permian languages: interlanguage differences]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 74–83. (In Russian)
10. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Problems of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. (In Russian)
11. Rachinskaya S. A. *Karitivnye konstrukcii v Kazym'skom dialekte hantiiskogo yazyka* [Caritive constructions in the Kazym dialect of the Khanty language]. *Caritive constructions in the languages of the world. Abstracts of the international conference, Saint-Petersburg / Online 30 November – 2 December 2020*. Saint-Petersburg: ILI RAN Publ., 2020. pp. 92–96. (In Russian)
12. Sazhina S. A. *Padezhnaya sistema verhnepamskogo narechiya komi-permyackogo yazyka* [Case system of the Upper Kama dialect of the Komi-Permian language]. *Permistika-13: Voprosy permskogo yazykoznanija* [Permistika-13: Issues of Permian linguistics]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 2012. pp. 189–196. (In Russian)
13. Sazhina S. A. *Slovoizmenenie sushchestvitel'nykh v yazyke kirovskih permyakov* [Inflection of nouns in the language of the Kirov Permians]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (1), pp. 34–44. (In Russian) DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44
14. *Udmurt dunne* [Udmurt world]. 2007 (08.22); 2008 (11.07); 2009 (06.26; 07.10; 10.30); 2010 (06.18); 2011 (09.23; 10.28); 2012 (09.19; 11.27); 2014 (10.21); 2015 (09.17). (In Udmurt)
15. *Udmurtskij fol'klor. Posloviy. Aforizmy. Pogovorki* [Udmurt folklore. Proverbs. Aphorisms]. Comp. by T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya Publ., 1987. 276 p. (In Udmurt, Russian)
16. Khomchenkova I. A. *Karitivny pokazatel' -DE v gornomariiskom yazyke* [Caritive indicator -DE in the Mountain Mari language]. *Pyatnadcataya Konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelej. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 22–24 noyabrya 2018 g.)* [The Fifteenth Conference on Typology and Grammar for Young Researchers. Abstracts (St. Petersburg, November 22–24, 2018)]. Ed. by D. F. Mishchenko. Saint-Petersburg: ILI RAN Publ., 2018. pp. 175–178. (In Russian)
17. Tsypanov E. A. *Sistema suffiksalnogo otricaniya v permskih yazykah* [The system of suffixal negation in the Permian languages]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 1990. 17 p. (*Seriya "Nauchnye doklady Komi NC UrO RAN", Vyp. 246*) [Series "Scientific reports of Komi NC UrO RAS", Iss. 246]. (In Russian)
18. Shchapov P. V. *Vtoraya kniga dlya chteniya i prakticheskikh uprazhnenii na permyatskom yazyke* [The second book for reading and practical exercises in the Permian language]. Kazan: Central'naya tipografiya Publ., 1909. 78 p. (In Komi-Permian)

19. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p. (In German)
20. Hamari A. The abessive in the Permic languages. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 2011, no. 93, pp. 37–84. (In English)
21. Haspelmath M. Terminology of case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. pp. 505–517. (In English)
22. *Negation in Uralic languages* [Typological Studies in Language 108]. Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. 667 p. (In English)
23. Ylikoski Ju. Abessiivin apologia. *Puhe ja kieli*, 2021, no. 41 (2), pp. 139–157. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.

komilang@gmail.com

ORCID 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Republic of Komi, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

komilang@gmail.com

ORCID 0000-0003-4995-4772